УДК 821.161.1

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТОПОСА «КНИГА» В ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

METAPHORICAL POTENTIAL OF THE TOPOS “BOOK” IN THE POETRY OF THE SILVER AGE: THEORETICAL, HISTORICAL AND LITERARY CONTEXT

Елена Чеславовна Богдевич
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Беларусь

Alena Cheslavovna Bahdzevich
Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus

Аннотация

В статье представлен анализ топоса «книга» с точки зрения его метафорического потенциала. Выявлены истоки формирования ядрообразующих сем топоса — элементов бинарных оппозиций, организующих структуру анализируемого художественного образа. Определены основные варианты реализации «книжных» метафор в поэзии первой половины XX в., доказана обусловленность метафоры центральным значением, составляющим ядро топоса. Намечен диахронический вектор исследования топоса «книга».

Ключевые слова: топос «книга», метафора, модернизм.

Abstract

The article presents the analysis of the topos “book” in terms of its metaphorical potential. The origins of the formation of the core topos semes — elements of binary oppositions, organizing the structure of the analyzed artistic image, have been discovered. The main variants of the implementation of book-related metaphors in the poetry of the first half of the twentieth century have been identified, the dependence of metaphors on the central meaning, forming the topos

core has been proven. The article traces the diachronic vector in the study of the topos “book”.

Key words: topos “book”, metaphor, modernism.

Целью исследования является характеристика метафорического потенциала топоса «книга», материалом — поэтические тексты первой половины XX в. При изучении топоса «книга» использованы культурно-исторический и семиотический методы.

Исследование топики как механизма сохранения культурной памяти является актуальным направлением современного литературоведческого дискурса. В ситуации переходного периода (именно так определяют современность исследователи) существенно возрастает интерес к т. н. ментальным пространствам, структура которых представляет собой ядро, «геном памяти», и периферию, отражающую аксиологическую составляющую мировоззрения конкретной эпохи. В начале XXI в. Ричард Докинз выдвинул концепцию, согласно которой всей человеческой культурой управляет единица-репликатор — мем (ученый-биолог применил к культуре принципы развития биологических видов): «Передача культурного наследия аналогична генетической передаче: будучи в своей основе консервативной, она может породить некоторую форму эволюции. <...> Мемы распространяются <...> переходя из одного мозга в другой с помощью процесса, который в широком смысле можно назвать имитацией (по Р. Докинзу — аналогом естественного отбора. — *Е. Б.*)» [Докинз: 291, 295]. Топика концентрирует в себе вечные ценности культуры, следовательно, актуализация того или иного топоса позволяет соотносить новое произведение с уже существующими, находить, с одной стороны, смысловое единство образов, с другой — отмечать индивидуальность авторских интерпретаций данных констант.

В качестве особого пространства памяти в художественном тексте выступает топос «книга». Являясь универсальным элементом, он способен появляться в разные эпохи и в разных культурах. В художественном тексте данный топос реализуется в различных вариантах: книга как персонаж, как хронотоп произведения, как значимая деталь, мотив (как правило, являющийся основным компонентом мотивной структуры произведения). Широкое поле семантических модификаций топоса «книга» позволяет ему становиться центральным звеном ряда

метафор, интерпретативный потенциал которых определяется ключевым значением, заложенным в ядре топоса. Присутствие в тексте «книжных» метафор трансформирует традиционную триаду «мир — человек — литература», помещая литературу / книгу в центр структуры. Книга становится посредником, связующим звеном, своеобразной системой зеркал, отражающих явления реального мира, что дает человеку возможность открыть для себя внешний мир с иной стороны; взаимодействие героя художественного текста с действительностью происходит посредством книги. В зависимости от эстетической установки автора актуализируется та или иная семантическая составляющая топоса, что отражает аксиологические установки человека определенной эпохи. «Книга выступает символическим средоточием мироздания, представляя собой, во-первых, культурно-значимый артефакт, во-вторых, символически ценное повествование, в-третьих, авторскую модель его интерпретации, в-четвертых, личностный, читательский способ восприятия этого авторства и символической композиции, называемой книжностью» [Маленко: 111]. А. В. Иванова определяет книгу как «способ архивизации знания» [Иванова: 40]; появление в тексте топоса «книга» может быть соотнесено, таким образом, с идеей передачи культурной памяти от поколения к поколению: «<...> книгу можно считать архетипическим артефактом человеческого сознания, вдохновляющим его на непрерывный процесс символического открытия окружающего мира через самое себя» [Иванова: 41]. Таким образом, топос «книга» представляет собой универсальный художественный образ (близкий концепту, архетипу, символу), обладающий при этом пространственными координатами, что находит отражение в системе субтопосов, посредством которых топос «книга» реализуется в тексте (библиотека, музей, каталог, архив и т. д.).

В качестве истоков формирования семантического ядра топоса «книга» могут быть названы мифологические тексты и Библия. Ядрообразующими компонентами анализируемого топоса в мифах и первых литературных памятниках стали концепты: «память» (в мифах Древнего Египта данный концепт представлен в образе «Дома жизни» — собрания рукописей, выступающего в качестве аналога архива); «спасение» // «вечная жизнь» (данная семантика реализуется, с одной стороны, в метафорическом образе конкретной книги («Книга Дыхания» в древне-

египетской мифологии, «И Дзин» — «Книга Перемен» — в Древнем Китае), с другой стороны, в фигуре божества, обладающего книгой, записывающего судьбы людей); «знание» (концепт, организующий вокруг себя смысловое поле топоса «книга» в мифах Древней Индии — «Книга Вед»); «власть» (концепт, актуализируемый в сюжете похищения книги с целью обретения могущества). Выделенные смысловые блоки определяют направления эволюции структуры топоса «книга», формируют семантическое ядро, а также периферийные значения, что находит отражение в произведениях писателей разных эпох.

Ряд традиционных значений был сформирован в эпоху становления христианства. В качестве центральных сем топоса «книга» в тексте Библии могут быть названы «память» («Теперь пойди, начертай это на доске у них, и *впиши это в книгу, чтобы осталось на будущее время, навсегда, навеки*» [Ис. 30:8]); «знание» («Написаны же были в сорок дней девяносто четыре книги. И когда исполнилось сорок дней, Всевышний сказал: первые, которые ты написал, положи открыто, чтобы могли читать и достойные и недостойные, но последние семьдесят сбереги, чтобы передать их мудрым из народа; потому что *в них проводник разума, источник мудрости и река знания*. Так я и сделал» [3 Езд. 14: 44–48]); «исцеление» («И в тот день глухие услышат слова книги, и прозрят из тьмы и мрака глаза слепых!» [Ис. 29:18]); «богатство» («Тогда царь Дарий дал повеление, и разыскивали в Вавилоне в книгохранилище, куда полагали сокровища» [1 Езд. 1:6]); «справедливость» (представлена, в первую очередь, в образе книги как небесной записи дел живущих, что непосредственно связано с сюжетом небесного суда).

Понимание структуры топоса как единства ядра и периферии позволяет сделать вывод: данный элемент выступает, с одной стороны, как показатель исторической преемственности, т. е. остается неизменным в диахроническом срезе культуры, с другой стороны, подвергается трансформациям, обусловленным как внешними (социокультурная ситуация), так и внутренними (индивидуально-авторская эпистема) факторами в аспекте синхронии. Семантическое ядро и периферия топоса «книга» определяют возможные варианты метафорического толкования образа: в зависимости от того, какой из элементов структуры актуализируется, возникают соответствующие стратегии интерпретации. В качестве ядра топоса, как правило, выступают

традиционные семы, представленные в мифах и тексте Библии и воспринимаемые как положительно маркированные семантические элементы структуры топоса «книга», в то время как отрицательные составляющие бинарной оппозиции образуют периферию, что позволяет топосу оставаться неизменным в аспекте синхронии и эволюционировать в диахроническом срезе.

Динамика метафорических значений отражает специфику социокультурной ситуации, в которой создается художественное произведение: «Литература <...> обеспечивает читателя не только смыслами, которых ему недостает в реальной жизни, но и моделью ее трансформации» [Турышева 2011: 166]. Фактически речь идет о метафикциональном потенциале текста, его способности осмысливать положение литературы в определенную историческую эпоху, а также взаимоотношения и взаимовлияния художественного вымысла и реальности: «<...> тексты не только изображают читателя как персонажа, но и апеллируют к адресату, в результате чего метафикциональность в литературе выходит на новый уровень» [Макеенко]. Топос «книга» обладает способностью совмещать в себе пространства, семантическая значимость которых зачастую противоположна: это пространства автора, героя и читателя, существующие изолированно друг от друга до момента творческого акта (совмещающего пространства автора и персонажа) или до ситуации чтения (взаимодействуют пространства персонажа и читателя).

Для литературы первой половины XX в. характерно ощущение приближающегося кризиса книжной культуры, реализующееся в тексте в понимании топоса «книга» как символа мировой гармонии. Отказ от книги, по мнению писателей-модернистов, неизбежно ведет к апокалипсису, концу истории. Эскапистская функция литературы выступает в качестве основной в литературе модернизма, читатель «<...> осуществляет замену реального жизненного контекста либо культом книги, чтения или библиотеки, либо литературным конструктом, то есть событием, сознательно сконструированным по литературному образцу» [Турышева 2011: 166].

Стремление модернизма к усложненности формы проявляется в особом интересе к метафоре как основному художественному приему. Особенно явно «книжная» метафора как элемент, структурирующий текст, представлена в модернистской поэзии: актуализация того или иного семантического слоя то-

поса «книга» предопределяет пространство развития метафоры и, следовательно, организует текст.

Литература первой половины XX в., отражая кризис рационализма и неорелигиозные искания эпохи, обращается к топосу «книга» как варианту модели мира: «Модернистская эстетика рассматривает литературу (следовательно, и книгу. — *Е. Б.*) не как мимесис действительности, а как ее субститут, назначенную художником замену абсурдной реальности» [Турышева 2010: 98]. У современников обострилось чувство катастрофичности бытия, спасение от апокалипсиса искали в нравственном преображении личности. Для модернизма характерно стремление к «<...> взгляду внутрь материального мира, к изображению не столько видимого, сколько переживаемого, интерес к подсознанию» [Герман: 76]. Отчетливо ощущается необходимость обращения к вечным проблемам: смыслу жизни и духовности людей, культуры, искусства и др. Поэты и писатели стремились творчески преобразить действительность, построить гармоничный мир, пускай даже в границах собственных произведений; пытались разгадать за внешней реальностью скрытый смысл бытия: «Литература <...> осмысливается как способ заполнения пустоты мира, “покинутого богами” и превратившегося в “царство бессмыслицы”» [Турышева 2010: 98]. Отсюда — интерес к метафорическому прочтению топоса «книга».

Анализ ряда поэтических текстов первой половины XX в. позволяет сделать вывод об актуальности условных структур, что проявляется, в частности, в высокой степени символизации топоса «книга». Актуализация той или иной метафоры, на наш взгляд, обусловлена ключевым концептом, составляющим ядро топоса. Большой семантический потенциал, вариативность значений топоса «книга» делает его универсальным для каждой эпохи: «<...> пространство содержания книги, несмотря на уже существующий в ней семиотический каркас, является открытым для бесконечных, творческих, символических интерпретаций» [Меленко: 111]. С. Аверинцев отмечал: «<...> сама их (книг. — *Е. Б.*) предметность, их вещность, их книжная “плоть” может восприниматься как святыня и как материализация таинственных сил» [Аверинцев: 194], отсюда — закономерность восприятия книги как центра культуры. В зависимости от эстетической концепции, индивидуально-авторской эпистемы, а также от социокультурной ситуации авторы актуализируют одну из воз-

можных сем ядра топоса «книга», при этом ключевые концепты, на наш взгляд, определены, с одной стороны, мифологической традицией, с другой стороны, религиозным мировоззрением, т. е. закреплены в мифах или тексте Библии. Однако возможна и авторская метафорика: значение, вкладываемое в образ конкретным писателем, может переместиться с семантической периферии топоса в ее центр.

В поэтических текстах начала XX в. топос «книга» представлен через соотношение с концептами «спасение», «знание», «память», которые, в свою очередь, реализуются в ряде метафор.

- Текст (человек как текст), запах, зеркало жизни (основополагающий семантический компонент — «память»).

Так, для лирических героинь А. Ахматовой и М. Цветаевой воспоминание о любовных переживаниях отождествляется с чтением и письмом как «закрепленной» памятью:

Пусть *я лишь стих в твоем альбоме*,
Едва поющий, как родник;
(*Ты* стал мне *лучшею из книг*,
А их немало в старом доме!) [Цветаева: 92];

Не в твои ль глаза *смотрю*
С белых матовых страниц [Ахматова: 202].

Для лирического героя М. Волошина характерно восприятие книги как инструмента спасения от смерти:

Теперь *я мёртв. Я стал строками книги*
В твоих руках... <...>
Меня отныне можно в час тревоги
Перелистать,
Но сохранят всегда твои дороги
Мою печать [Волошин: 113].

Несколько иной вариант метафоры находим в произведениях М. Цветаевой; восприятие себя через призму взгляда Другого возможно посредством книги:

Наши встречи, — только ими дышим все мы,
Их предчувствие лелея в каждом миге, —

Вы узнаете, разрезав наши книги.
Все, что любим мы и верим — только темы [Цветаева: 100];

Мы согнать не сумеем дремоты
И сказать не сумеем, кто мы.
Мы все книги подряд, все напевы! [Цветаева: 100].

В стихотворении Ф. Сологуба в качестве катализатора памяти представлен запах книги:

Затхлый *запах старых книг*
Оживил в душе былое,
В злой тоске пережитое,
В тихом звяканьи вериг [Сологуб: 137].

Книга как зеркало жизни, модель мира — часто встречающийся образ в поэзии Серебряного века:

Мне снится *книга без ошибок* —
О корректуры идеал!
За этот сон сказать спасибо, —
Когда поэзы без ошибок,
Мне хочется. Как сон мой гибок, —
Сон в смокинге, — без одеял:
Ведь в нем — и книги без ошибок,
И корректуры идеал... [Северянин: 551];

От амеб до Риккерта и Маха
Все века земли — в одну строку! [Брюсов: 183];

Книгу Бездны, в чьи *листы мы каждый день и час глядим*,
Он сполна хотел прочесть, забыл, что Бездна — внепричинная
И на вечность, на одну из многих вечностей, пред ним.
Заперлась, хотя и светит, Книга-Исповедь Глубинная
[Бальмонт: 353];

Я метала бы в огонь
Прошлое — за пачкой пачку:
Старых роз и *старых книг* [Цветаева: 181];

Жизнь коротка и быстротечна,
И лишь литература вечна.

Поэзия душа и вдохновенье,
Для сердца сладкое томленье [Бальмонт: 268].

Кроме того, книга выступает в качестве образа ирреального пространства:

В тот вечер случилось (ведь — странно,
Мы не знаем грядущего мига!),
Что с колен его мудрая книга
На ковер соскользнула нежданно.
И комната стала каютой,
Где душа говорит с тишиною...
Он плыл, убаюкан волною,
Окруженный волненьем и смутой [Цветаева: 123];

Я зачитался, я читал давно,
с тех пор как дождь пошёл хлестать в окно.
Весь с головою в чтение уйдя,
не слышал я дождя [Рильке: 249].

- Сосуд знания, путеводная звезда (в основе метафор — сема «знание»):

Жильцы дубовых полок, безмолвны ваши страсти,
как вы красноречивы, хотя молчите глухо
хранительницы смысла, целительницы духа,
исполненные скорби,
дарующие счастье! [Мистраль: 168];

Я исцелен, я счастлив, я живу.
Я пью тебя, отрада из отрад.
И *слово*, мной прочтенное, тогда
Встает *как путеводная звезда*,
Бесстрашно сердце, радостна душа,
И суета вседневная чужда [Тукай].

- «Спасение» как ядро топоса «книга» реализуется прежде всего в библейских образах; в частности, речь идет о Книге как небесной записи жизней людей. Н. Гумилев в стихотворении «Судный день» также обращается к библейскому образу:

Раскроется серебряная книга,
Пылающая магия полудней,
И станет храмом брошенная рига,
Где, нищий, я дремал во мраке будней [Гумилев: 221].

«Книжные» метафоры в поэзии чаще всего сохраняют исконную семантику, обладающую однозначно положительной коннотацией. Проза начала XX в. демонстрирует несколько иные векторы развития. Однако так или иначе тенденция к метафоричности образа, усложненности его семантики прослеживается и здесь, что объясняется тем, что в эпоху модернизма авторефлексивная проза (о письме, читателе, творческой личности) оказывается особенно значимой и актуальной. Сочетание аксиологически противоположных элементов в структуре топоса «книга» образует семиотический каркас потенциальных метафор. Высокая степень метафоризации анализируемого топоса в поэтических текстах первой половины XX в., с одной стороны, отражает эстетические установки эпохи (актуальность условных фигур как таковых), с другой стороны, характеризует социокультурную ситуацию (восприятие книги как значимого культурного артефакта).

В динамике искусства с начала XX в. до рубежа XX–XXI вв. прослеживается маятниковое движение от утверждения метафоры к ее отрицанию (что воспринимается как стилистический прием). На смену метафорическому мышлению приходит антиметафорическое, что на уровне художественного текста проявляется в актуализации реального, внешнего уровня структуры метафоры. Оге А. Ханзен-Леве данный процесс охарактеризовал как «<...> овеществление внутри самой словесной семантики, при котором переносное, фигуративное значение слова (конвенционализированные семантические фигуры, идиомы, речевые обороты) возводятся к прямому, конкретно-вещественному значению слова» [Ханзен-Леве: 14–15].

В центре внимания писателей оказываются универсалии культуры, выступающие в качестве метафорических образов, организующих вокруг себя структурные компоненты произведения, деметафоризация данных элементов позволяет усилить авторефлексивный потенциал художественного произведения, выстроить автокоммуникативное пространство текста: введение в текст топоса «книга» дает возможность, с одной стороны,

отразить фактическое положение книги, писателя в обществе, с другой стороны, выстроить модель диалога между читателем и писателем / книгой.

Чтобы адекватно интерпретировать метафору, актуализируемую в художественных текстах последних десятилетий, читателю необходимо выстроить логику движения семантики по схеме: буквальное значение — иносказание — вторичная реальность, при этом последний компонент цепочки выступает в качестве репрезентирующего, связанного с прямым значением слова, однако воспринимающим сознанием оценивается сквозь призму условности. Подобные смысловые трансформации характерны для метафор повседневности, частое использование которых создает эффект «стёртости» переносного слоя семантики: «Мертвые метафоры особенно интересны нам, поскольку, используя оксюморон, можно сказать, что мертвые метафоры — это те, которые выжили. Они умерли от постоянного употребления, но именно оно и свидетельствует о том, что они удовлетворяют некую семантическую потребность» [Серль: 313].

Фактически происходит «семиотическая редукция» [Ханзен-Леве: 15]: движение от знака к вещи и фигуративному значению, а далее — актуализация конкретного значения. Выступая в качестве коммуникативной стратегии постмодернизма, деметафоризация служит приемом реализации «большого диалога» (термин М. М. Бахтина) в форме «игры с читателем». Метафора становится сюжетогенным фактором развития художественного произведения: «<...> поэтические приемы на деле персонифицируются до настоящих “героев” литературы (литературоведения)» [Ханзен-Леве: 26]. В результате сюжетом произведения становится процесс овеществления метафоры.

Исследование топики стало особенно актуальным в последние десятилетия, когда в литературоведении обострился интерес к проблемам универсалий, стереотипов, клише, т. е. «общих мест», которые служат механизмом передачи «генетического кода» культуры. В качестве универсального художественного образа выступает топос «книга», высокий семантический потенциал которого позволил ему стать основой формирования специфических «книжных» метафор. Базовые значения анализируемого топоса, ставшие впоследствии элементами бинарных оппозиций — структуры топоса «книга», — были сформированы первичными типами мировоззрения: мифом и религией.

Эстетическая установка модернизма на условность художественных фигур определила специфику работы поэтов с топосом «книга», высокий метафорический потенциал образа. «Книжные» метафоры, актуализируемые в поэтических текстах, отражают базовые уровни философии, в аспекте которых осуществляется описание мира, — онтологический, аксиологический, гносеологический. Данные философские категории становятся определяющими для характеристики семантического ядра топоса «книга», представляющего собой динамичный элемент, смысловая наполненность которого обусловлена, с одной стороны, социокультурной ситуацией создания художественного произведения, в котором топос «книга» выступает в качестве стержневого элемента, с другой стороны, индивидуально-авторской эпистемой.

Онтологический уровень функционирования метафоры в поэтических текстах первой половины XX в. обусловлен помещением в центр структуры концепта «память»: бытие оказывается возможным только при условии осознания неразрывной связи прошлого, настоящего и будущего. Топос «книга» образует специфическую систему зеркал, взаимоотражающих друг друга и формирующих при этом особую художественную реальность. Восприятие текста как человека — антропологическая метафора — свидетельствует о помещении человека в центр «зеркала»: существуя в разнородных пространствах и временах, он выступает в качестве базовой онтологической категории. Аксиологическая составляющая образа представлена метафорой книги как инструмента спасения, что соответствует библейскому пониманию (не случайным является обращение к образу небесной книги). Гносеология представлена метафорами книги как путеводной звезды, сосуда знания.

В выбранных для анализа поэтических текстах в качестве ядрообразующих компонентов выступают традиционные значения — положительно маркированные элементы семантических оппозиций. Ситуация кардинально меняется в литературе постмодернизма, что проявляется, с одной стороны, на уровне структуры топоса (в центр помещаются антонимичные значения — забвение, смерть, ложное знание), с другой стороны, в специфике работы с художественным образом (ведущим художественным приемом становится деметафоризация).

Литература

Аверинцев С. Поэтика ранневизантийской литературы. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2004. 480 с.

Ахматова А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1: Стихотворения / Сост., подгот. текста и коммент. и статья Н. В. Королевой. Москва: Эллис Лак, 1998. 968 с.

Бальмонт К. Д. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 2: Полное собрание стихов 1909–1914: Кн. 4–7. Москва: Книжный Клуб Книговек, 2010. 480 с.

Брюсов В. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 3: Стихотворения 1918–1924 гг. / Под общ. ред. П. Г. Антокольского и др. Москва: Художественная литература, 1974. 695 с.

Булгакова А. А. Топика в литературном процессе. Гродно: ГрГУ, 2008. 108 с.

Волошин М. Стихотворения и поэмы: В 2 т. Т. 1: Стихотворения / Общ. ред. Б. А. Филиппова, Г. П. Струве, Н. А. Струве. Paris: YMCA-PRESS, 1982. 532 с.

Герман М. Модернизм. Искусство первой половины XX века. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2005. 480 с.

Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений: В 9 т. Т. 1: Стихотворения. Поэмы (1902–1910). Москва: Воскресенье, 1998. 502 с.

Докинз Р. Эгоистичный ген. Москва: АСТ, Corpus, 2013. 320 с.

Иванова А. В. Онтологическая семантика книги // Философские науки. Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 40–45.

Макеенко Е. В. Автор и читатель в структуре художественного текста (на материале русской литературы 1990-х — 2010-х гг.) URL: http://cheloveknauka.com/avtor-i-chitatel-v-strukture-hudozhestvennogo-teksta.

Маленко С. А. От архетипа к знаку: иноческая книжность в сакральном профанном пространстве русской культуры // Вестник Новгородского государственного университета. 2014. № 83. С. 109–113.

Мистраль Г. Лирика / Пер. О. Савича. Москва: Художественная литература, 1963. 208 с.

Рильке Р. М. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. / Пер. с нем.; вступ. ст. Е. Витковского. Москва: Престиж Бук, 2012. 336 с.

Северянин И. Сочинения: В 5 т. Т. 2 / Сост., вступ. статья, коммент. В. А. Кошелева и В. А. Сапогова. Санкт-Петербург: Издательство «Logos», 1995. 704 с.

Серль Дж. Метафора // Теория метафоры. Москва: Прогресс, 1990. С. 307–342.

Сологуб Ф. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 7 (дополнительный): Лазурные горы: Стихотворения / Сост., примеч. Т. Ф. Прокопова. Москва: НПК «Интелвак», 2003. 568 с.

Тукай Г. Книга URL: https://rustih.ru/gabdulla-tukaj-kniga/.

Турышева О. Н. Книга — чтение — читатель как предмет литературы: Монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. 286 с.

Турышева О. Н. Проза о читателе как форма саморефлексии литературы // Сибирский филологический вестник. 2010. № 1. С. 70–75.

Ханзен-Леве О. А. Развертывание, реализация // Критика и семиотика. 2016. № 2. С. 9–40.

Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1: Стихотворения / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. Москва: Эллис Лак, 1994. 640 с.

References

Averincev S. Poetika rannevizantijskoj literatury. Sankt-Peterburg: Azbuka-klassika, 2004. 480 s.

Akhmatova A. Sobranie sochinenij: V 6 t. T. 1: Stikhotvoreniya / Sost., podgot. teksta i komment. i stat'ya N. V. Korolyovoj. Moskva: Ellis Lak, 1998. 968 s.

Bal'mont K. D. Sobranie sochinenij: V 7 t. T. 2: Polnoe sobranie stikhov 1909–1914: Kn. 4–7. Moskva: Knizhnyj Klub Knigovek, 2010. 480 s.

Bryusov V. Sobranie sochinenij: V 7 t. T. 3: Stikhotvoreniya 1918–1924 gg. / Pod obshh. red. P. G. Antokol'skogo i dr. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1974. 695 s.

Bulgakova A. A. Topika v literaturnom processe. Grodno: GrGU, 2008. 108 s.

Voloshin M. Stikhotvoreniya i poemy: V 2 t. T. 1: Stikhotvoreniya / Obshh. red. B. A. Filippova, G. P. Struve, N. A. Struve. Paris: YMCA-PRESS, 1982. 532 s.

German M. Modernizm. Iskusstvo pervoj poloviny XX veka. Sankt-Peterburg: Azbuka-klassika, 2005. 480 s.

Gumilyov N. S. Polnoe sobranie sochinenij: V 9 t. T. 1: Stikhotvoreniya. Poemy (1902–1910). Moskva: Voskresen'e, 1998. 502 s.

Dokinz R. Egoistichnyj gen. Moskva: AST, Corpus, 2013. 320 s.

Ivanova A. V. Ontologicheskaya semantika knigi // Filosofskie nauki. Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2013. № 11. S. 40–45.

Makeenko E. V. Avtor i chitatel' v strukture khudozhestvennogo teksta (na materiale russkoj literatury 1990-kh — 2010-kh gg.) URL: http://cheloveknauka.com/avtor-i-chitatel-v-strukture-hudozhestvennogo-teksta.

Malenko S. A. Ot arkhetipa k znaku: inocheskaya knizhnost' v sakral'nom profannom prostranstve russkoj kul'tury // Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 83. S. 109–113.

Mistral' G. Lirika / Per. O. Savicha. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1963. 208 s.

Ril'ke R. M. Sobranie sochinenij: V 3 t. T. 1 / Per. s nem.; vstup. st. E. Vitkovskogo. Moskva: Prestizh Buk, 2012. 336 s.

Severyanin I. Sochineniya: V 5 t. T. 2 / Sost., vstup. stat'ya, comment. V. A. Kosheleva i V. A. Sapogova. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo "Logos", 1995. 704 s.

Serl' Dzh. Metafora // Teoriya metafory. Moskva: Progress, 1990. S. 307–342.

Sologub F. Sobranie sochinenij: V 6 t. T. 7 (dopolnitel'nyj): Lazurnye gory: Stikhotvoreniya / Sost., primech. T. F. Prokopova. Moskva: NPK "Intelvak", 2003. 568 s.

Tukaj G. Kniga URL: https://rustih.ru/gabdulla-tukaj-kniga/.

Turysheva O. N. Kniga — chtenie — chitatel' kak predmet literatury: Monografiya. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2011. 286 s.

Turysheva O. N. Proza o chitatele kak forma samorefleksii literatury // Sibirskij filologicheskij vestnik. 2010. № 1. S. 70–75.

Khanzen-Lyove O. A. Razvertyvanie, realizaciya // Kritika i semiotika. 2016. № 2. S. 9–40.

Czvetaeva M. Sobranie sochinenij: V 7 t. T. 1: Stikhotvoreniya / Sost., podgot. teksta i komment. A. Saakyancz i L. Mnukhina. Moskva: Ellis Lak, 1994. 640 s.

Сведения об авторе: Елена Чеславовна Богдевич; магистр филологических наук; аспирант филологического факультета Гродненского государственного университета имени Янки Купалы; helen-bogdevich@yandex.by; сфера научных интересов: литературный процесс XX–XXI веков, топика как механизм трансляции культурной памяти.